

УДК 94(47)+94(470+571)
ББК 63.3(2)52; 63.3(2)6-2
Э40

Редакционная коллегия:

Л. И. Бородкин, Ю. А. Петров (ответственные редакторы),
Б. В. Ананьич, С. А. Афонцев, А. А. Бессолицын,
А. С. Грузинов (ответственный секретарь),
П. В. Лизунов, А. М. Маркевич, М. Ю. Мухин, И. В. Поткина,
С. А. Саломатина, А. К. Соколов, А. К. Сорокин

Э40 **Экономическая история : Ежегодник. 2013.** – М. : Политическая энциклопедия, 2014. – 702 с.

ISBN 978-5-8243-1930-9

В очередном выпуске ежегодника публикуются новейшие исследования по экономической истории. Раздел по истории Российской империи включает статьи: о трубном производстве в начале XX в., о становлении высшего коммерческого образования в России на рубеже XIX–XX вв., об организации зерновой торговли в начале XX в., о собираемости прямых налогов в России в середине XVIII в., об эволюции деятельности российских предпринимательских союзов в 1861–1917 гг. В отдельном разделе представлены статьи по истории страхового дела в России XVIII–XX вв. По истории советской экономики опубликованы статьи о роли иностранной технической помощи в создании и развитии советской бронетанковой промышленности в 1925–1935 гг. и в области авиастроения в 1924–1941 гг., о деле нефтяников-«вредителей» 1929–1931 гг., о борьбе ведомств за конверсию и реконверсию военной экономики в СССР в середине 1940-х гг., о кризисе продовольственного обеспечения в СССР начала 1950-х гг., о роли Л.Б. Красина в утверждении политики государственной монополии внешней торговли в советской России. В ежегоднике также опубликованы рецензии на книгу А.К. Соколова по истории советской военной промышленности в 1917 – июне 1941 гг. Истории финансов и банков посвящены статьи о кредитных бюро в советской России периода НЭПа, об истории сберегательных касс в СССР, о деятельности Государственного банка СССР в контексте «золотой операции» 1928 г., о функционировании российских и советских банков в странах Среднего и Дальнего Востока в 1890–1920-е гг. В разделе по истории экономики зарубежных стран представлены статьи о волнах европейской экспансии в индоокеанской мир-экономике XVI – начала XIX в., а также по проблемам процесса модернизации на примере Индии.

Сборник рассчитан на историков и экономистов, а также тех, кто интересуется экономической историей.

УДК 94(47)+94(470+571)
ББК 63.3(2)52; 63.3(2)6-2

ISBN 978-5-8243-1930-9

© Коллектив авторов, 2014
© Политическая энциклопедия, 2014

Предисловие

Очередной, 14-й выпуск Ежегодника «Экономическая история» подготовлен редколлекцией, в состав которой входят историки и экономисты из многочисленных научных центров нашей страны, объединенные в рамках Научного совета РАН по проблемам российской и мировой экономической истории РАН. Начиная с данного выпуска подготовка и публикация Ежегодника ведутся в Институте российской истории РАН.

Сборник открывает раздел «ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ». Вниманию читателя предлагается работа А. В. Акимова о трубном производстве в России в начале XX в. Здесь же представлена статья д. э. н. А. А. Бессолицына о становлении высшего коммерческого образования в России на рубеже XIX–XX вв. Автор приходит к выводу, что, несмотря на ряд особенностей, коммерческое образование в России развивалось в русле общеевропейских тенденций. В статье д. и. н. Н. Ф. Тагировой всесторонне рассмотрен процесс движения товарного зерна от производителя к оптовому потребителю в России начала XX в., отмечена тенденция все большего вовлечения в зерновую торговлю крупного капитала (прежде всего – банков), при сохранении, тем не менее, значимой роли и мелких торговых фирм.

В совместной работе PhD in History И. И. Федюкина и к. и. н. Е. С. Корчминой рассмотрен уровень недоимок по подушной подати России в послепетровский период (вторая–третья четверти XVIII в.) как индикатор эффективности российского государственного аппарата. В статье д. э. н. И. Н. Шапкина с точки зрения экономиста прослежены направления деятельности и формы взаимодействия с государством российских предпринимательских союзов в 1861–1917 гг.

Раздел «ИСТОРИЯ СТРАХОВОГО ДЕЛА РОССИИ» содержит статьи д. и. н. Ю. А. Петрова о месте России в системе международного страхования и перестрахования с середины XVIII в. до 1991 г., а также обзор д. и. н. Г. Н. Ульяновой, поставившей вопрос о необходимости введения в научный оборот такого вида массовых источников, как страховая статистика дореволюционного периода. Эти данные могут быть использованы как для реконструкции

The strategy of State capitalist development followed in India after independence provided the material and ideological basis for constructing a powerful centralist State. The economic reforms of 1991 have merely changed the mode of regulation of the economy by the Centre; they have not abolished the key role of the Centre. The project and process of centralisation in India after 1947, therefore, has remained largely unchallenged so far. However, the development of capitalism in the different regions of India is bound to give a fillip to the growth of regional nationalisms whose urge for decentralisation may bring about a coalition of forces that could bring into power a government whose vision and programme could include dismantling the structures of economic and political power that have been created by the project and process of centralisation. The Left in India can take the initiative to lead a coalition of regional parties to form a Third Alternative to the two main parties of Indian centralisation (the semi-secular Congress and the Hindu nationalist BJP). The Third Alternative will have to construct a coherent project of decentralisation in India in order to make it sustainable on a long term basis. The struggle and conflict between the centralist and decentralist tendencies is going to be a key determinant in the shaping of Indian political economy in the coming decades.

Key words: India, political economy, centralisation, decentralisation, state, nationalism, Indian National Congress.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	7
<i>Акимов А. В.</i> Использование трубной продукции в начале XX в. в России	8
<i>Бессолицын А. А.</i> Становление высшего коммерческого образования: европейский опыт и его развитие в России на рубеже XIX–XX вв.	38
<i>Тагирова Н. Ф.</i> Организация зерновой торговли в Российской империи (начало XX в.). Опыт сетевого анализа	74
<i>Федюкин И. И., Корчмина Е. С.</i> Собираемость подушной подати в середине XVIII в.: к вопросу об эффективности государственного аппарата в России в исторической перспективе	89
<i>Шапкин И. Н.</i> Российские предпринимательские союзы: эволюция, виды, направления деятельности и формы взаимодействия с государством (1861–1917).....	128
ИСТОРИЯ СТРАХОВОГО ДЕЛА РОССИИ	181
<i>Петров Ю. А.</i> Россия и международный рынок страхования, XVIII–XX вв.	182
<i>Ульянова Г. Н.</i> Источники для изучения страхования недвижимых и движимых имуществ в России конца XIX – начала XX в.: общероссийский и региональный аспект	211
ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ	225
<i>Верещак М. И.</i> Роль иностранной технической помощи в создании и развитии советской бронетанковой промышленности (1925–1935).....	226

<i>Грегори П., Харрисон М.</i> Распределение в условиях диктатуры: исследование на базе архивного материала сталинской эпохи	251
<i>Евдошенко Ю. В.</i> Дело нефтяников-«вредителей» 1929–1931 гг. и судьбы нобелевских служащих в СССР. К вопросу о генезисе «экономической контрреволюции»	331
<i>Ермолов А. Ю.</i> За фасадом сверхцентрализации: влияние борьбы ведомств за конверсию и реконверсию в СССР в середине 1940-х гг.	390
<i>Круглов В. Н.</i> «Последний сталинский голод»: кризис продовольственного обеспечения в СССР начала 1950-х гг.	403
<i>Мухин М. Ю.</i> Советско-американское сотрудничество в области авиастроения в 1924–1941 гг.	447
<i>Хойслер Й.</i> Леонид Красин и «монополия внешней торговли»	471
РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ	483
<i>Бокарев Ю. П.</i> Военная промышленность или ВПК? (Рецензия на книгу А. К. Соколова «От военпрома к ВПК: советская военная промышленность 1917 – июнь 1941 гг.». М.: Новый хронограф, 2012)	484
<i>Быстрова И. В.</i> Рецензия на книгу А. К. Соколова «От военпрома к ВПК: советская военная промышленность 1917 – июнь 1941 гг.». М.: Новый хронограф, 2012	489
ИСТОРИЯ ФИНАНСОВ И БАНКОВ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА	493
<i>Голицын Ю. П.</i> Кредитные бюро в период новой экономической политики	494
<i>Курсанов Р. Г.</i> Сберегательные кассы в СССР: источник государственного кредита и фактор сдерживания потребительского спроса населения	518
<i>Николаев М. Г.</i> Госбанк СССР и «золотая операция» 1928 г.	548
<i>Саломатина С. А.</i> Российские и советские банки в странах Среднего и Дальнего Востока, 1890–1920-е гг.: трансформация имперских традиций.	568

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	625
<i>Фурсов К. А.</i> Три волны европейской экспансии в индоокеанской мир-экономике XVI – начала XIX в.: общее и особенное	626
<i>Сингх П.</i> Политическая экономия централизации в Индии: критические заметки сторонника децентрализации	654
Summary	687

Три волны европейской экспансии в индоокеанской мир-экономике XVI – начала XIX в.: общее и особенное

Аннотация: В статье анализируются принципиальные сходства и различия в деятельности португальцев, голландцев и англичан в экономической зоне Индийского океана в раннее Новое время (XVI – начало XIX в.). Проводится ее сравнение по поставленным целям, применявшимся методам и достигнутым результатам для индоокеанской экономики. Подчеркнута неразрывная связь экономических и внешнеэкономических аспектов деятельности европейцев на Востоке. Выделены факторы, объясняющие общее и особенное в действиях представителей разных европейских держав.

Ключевые слова: мир-экономика, индоокеанская торговля, европейская экспансия, Ост-Индская компания, капитализм, монополия, Британская империя.

Зона Индийского океана не одно тысячелетие представляла собой более или менее целостную систему региональной торговли. Поэтому к ней вполне применим термин «мир-экономика» (*économie-monde*) известного французского историка Ф. Броделя, развитый американским историком, представителем мир-системного подхода И. Валлерстайном (*world-economy*). Этот термин обозначает систему обществ, в основе которой лежат тесные экономические связи. (Противоположностью мир-экономики в рамках мир-системного подхода выступает мир-империя – система, объединенная военно-политическим путем.) Одной из мир-экономик, существовавших до того, как в XIX в. весь мир охватила капиталистическая мир-система, и была индоокеанская – система регулярной торговли между экономически взаимозависимыми регионами, омываемыми Индийским океаном, ритм которой задава-

ли ежегодные муссоны (в отличие от круглогодичных ветров Атлантики они действуют как маятник: почти полгода дуют в одном направлении, другие полгода – в противоположном). В окончательном виде эта мир-экономика сложилась в I тысячелетии н. э. В разные периоды в ней господствовали разные группы азиатского купечества (сначала персы, с IX в. арабы, к XV в. индийцы-мусульмане из приморской области Гуджарат). В конце XV в. в Индийском океане появились первые европейцы – португальцы.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы сопоставить экспансию в Индийском океане раннего Нового времени трех волн европейцев – португальцев, голландцев и англичан/британцев – по целям, методам их достижения и общим результатам для индоокеанской мир-экономики¹.

Открытие морского пути в Индию Васко да Гамой в 1498 г. ознаменовало начало португальской экспансии в афро-азиатском мире в целом и индоокеанской зоне в частности. Важнейшим преимуществом португальцев на Востоке стало их военно-морское и техническое превосходство над местными обществами (океанское судно *каракка*, бортовая артиллерия, которой азиаты не знали, развитая картография). Благодаря этому португальцы во многом смогли диктовать на море свои условия и захватили ряд ключевых портов-эмпорий по всему побережью Индийского океана: Софалу, Мозамбик, Килву, Момбасу на Суахилийском побережье Африки, Маскат в Аравии, Ормуз в Ормузском проливе, Диу, Даман, Гоа, Кочи и другие порты в Индии, Коломбо и равнинную часть Цейлона, Малакку и ряд других пунктов в Нусантаре (Малайском архипелаге). Эти порты стали каркасом того, что метко именуют португальской «точечной империей» и что официально называлось *Estado da Índia*, «Государство Индии». Португальцам удалось переключить на себя часть экспорта пряностей и других азиатских товаров в Европу. Их господство в Индийском океане продолжалось до конца XVI в. В рамках концепции четырех системных циклов накопления капитала американского историка Дж. Арриги период португальского морского владычества приходится на вторую (финансовую) фазу генуэзско-иберийского цикла².

В 1590-е гг. в Индийском океане появились суда двух морских держав Северо-Западной Европы – Нидерландов и Англии. Если португальская экспансия была предприятием королевской вла-

* Фурсов Кирилл Андреевич – кандидат исторических наук (Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, Институт экономики РАН).

сти, то голландцы и англичане выступили в Азии как представители Ост-Индских компаний – частных коммерческих корпораций, которые были основаны специально для торговли с Востоком и получили от государственной власти своих стран монопольное право на эту торговлю (английская Компания была инкорпорирована в 1600 г., голландская в 1602 г.). Уже с первых морских экспедиций голландцы и англичане вступили с португальцами в бескомпромиссный военный конфликт; европейцы, по выражению индийского хрониста, «жаждали крови друг друга»³. Морская война английской Ост-Индской компании с португальцами длилась до 1635 г., голландской – до третьей четверти XVII в. Залогом победы Компаний стал их океанский флот, который в отличие от португальских эскадр мог действовать далеко от своих баз. Подточенная тем, что некоторые исследователи неудачно называют коррупцией (в условиях раннего Нового времени этот термин малоприменим, так как еще не сложилось государство в строгом смысле), и получая мощные удары извне, португальская талассократия рухнула.

Голландская Ост-Индская компания присвоила львиную долю экономических преимуществ португальцев (прежде всего базы в богатой пряностями Нусантаре), расширила их и оттеснила свою конкурентку – английскую Ост-Индскую компанию. XVII – начало XVIII в. – эпоха преобладания в Индийском океане голландцев, что было отражением экономической и (отчасти) военно-морской мощи Нидерландов в Европе (голландская гегемония в концепции И. Валлерстайна и первая, материальная, фаза голландского системного цикла накопления в концепции Дж. Арриги). С самого начала голландская Ост-Индская компания обладала двойственной – политико-экономической, или властно-торговой, – природой (это относится и к ее английской «коллеге»): не только была коммерческой корпорацией, но и располагала рядом квазигосударственных функций, таких как право набирать военные отряды, строить форты, чеканить монету и вести переговоры с нехристианскими правителями. В результате Компания развернула не только экономическую, но и политическую экспансию, приступив к строительству территориальной империи, прежде всего на Яве. Главным центром ее деятельности на Востоке стал порт Батавия (современная Джакарта). Развитие мореходного дела позволило голландцам обойти португальцев в географическом освоении Индийского океана: они открыли «ревущие 40-е и страшные

50-е широты» и в Нусантару плавали не вдоль побережья Африки и Азии, а от Мадагаскара напрямую. Однако к концу XVII в. Нидерланды стали терять позиции мастерской раннекапиталистического мира и морского перевозчика и в XVIII в. сделались по преимуществу финансовым центром. После войны за испанское наследство 1701–1714 гг. роль крупнейшей военно-морской силы в Индийском океане перешла от голландской Ост-Индской компании к английской⁴. К концу XVIII в. голландская Компания пришла в упадок (в том числе из-за британской конкуренции). В 1799 г. ее торговая монополия была отменена, а власть над приобретенными в Нусантаре территориями перешла к нидерландскому государству.

Несмотря на то что англичане появились в Индийском океане одновременно с голландцами, в течение XVII в. им приходилось довольствоваться достаточно скромной ролью, торгуя «в тени» голландской Ост-Индской компании. Для сравнения: если исходный капитал английской Компании равнялся всего 30 тыс. ф. ст. и к 1610 г. она отправила на Восток 17 судов, то ее голландская «коллега» начала операции с капиталом сразу в 540 тыс. ф. ст. и к указанному времени отправила уже 60 судов⁵. В первые полстолетия голландская Компания качественно превосходила английскую и по части организации: с самого начала она была акционерной корпорацией с постоянным капиталом, тогда как английская до хартии Кромвеля 1657 г. относилась к архаичному типу регулируемых компаний, в которых пайщики собирали средства на снаряжение каждой морской экспедиции в отдельности и после реализации привезенных товаров полностью распределяли выручку между собой. Однако по мере экономического упадка Нидерландов английская Ост-Индская компания набирала в Азии экономический вес, все больше переключая на себя морскую торговлю Индии. В этом смысле и правомерно говорить о голландской и английской (с начала XVIII в., после парламентской унии Англии и Шотландии, – британской) волнах экспансии в Индийском океане как о явлениях хронологически разного порядка: голландская – с рубежа XVI–XVII вв., английская – с конца XVII в. Именно концом XVII в. датируется в моей периодизации истории английской Ост-Индской компании переход от «периода факторий» к «периоду фортов», когда англичане стали чувствовать себя на Востоке увереннее благодаря ряду укрепленных поселений⁶. Такими поселениями были порты Мадрас, Бомбей и Каль-

кутта – центры президентств (торгово-территориальных единиц) Компании.

В середине XVIII в. британская Ост-Индская компания сделала то же, что голландская на Яве в начале XVII в., – стала превращаться из купца (по преимуществу коммерческой корпорации) в державу-купца (территориальную империю со сбором налогов, сухопутной армией, отправлением правосудия – не теряющую, однако, черт коммерческой корпорации). Импульс этому процессу дали распад общеиндийской империи – Могольского султаната – и обострение «второй Столетней войны» 1689–1815 гг. Великобритании с Францией (нашедшее выражение, в частности, в Семилетней войне, которую ряд исследователей по ряду параметров называет первой мировой). К началу XIX в. Ост-Индская компания превратилась в сильнейшую политику Индии, постепенно подчиняя себе правителей княжеств – и соперников и союзников. Аномальная ситуация «империи в империи» привела к тому, что британский парламент в конце XVIII в. поставил Компанию в ее ипостаси индийского правителя под свой контроль.

По товарообороту британская Компания оставила позади свою голландскую конкурентку еще в первой половине XVIII в., а к 1780 г. британский экспорт в Азию составил 909 тыс. ф. ст. в год по сравнению с 640 тыс. у голландцев⁷. Однако после начала «взлета» британской экономики в 1780-е гг. (согласно У. Росту), с развитием промышленной революции в Великобритании (начало материальной фазы британского системного цикла накопления согласно Дж. Арриги) более широкие круги торговой буржуазии, связанные с буржуазией промышленной, все сильнее давили на парламент с целью ограничить или отменить монополию узкой олигархии Ост-Индской компании на торговлю с Востоком. Это и было поэтапно сделано: 1793 г. – введение «регулируемой монополии», 1813 г. – отмена монополии на торговлю с Индией, 1833 г. – на торговлю с Китаем. После этого Компания оставалась по преимуществу административной машиной по управлению Британской Индией, пока в 1858 г., в ходе сипайского восстания, парламент не передал это управление короне, покончив с отжившим двоевластием. (Сама Компания была распущена в 1874 г.) Между тем индоокеанскую экономическую зону начали осваивать британские частные купцы, хотя до 1840-х гг. о масштабном завоевании азиатских рынков фабричной продукцией говорить не приходится.

Если сопоставить экспансию португальцев, голландцев и англичан/британцев в Индийском океане **по целям**, то последние были в общем идентичны. Цель всех европейцев состояла в получении максимального дохода, как от экономической, так и от внеэкономической деятельности. Другое дело – кто конкретно ставил эту цель. В случае португальцев это были корона, дворянство и связанное с ними купечество; в случае голландцев и англичан это были совершенно иные социальные силы – поднимающаяся торговая буржуазия этих стран. Правда, за португальской экспансией во многом стоял уже занимавший прочные позиции в экономике Европы генуэзский капитал, который (как и в испанской Америке) рассчитывал на участие в доходах. Однако по находившимся в его распоряжении ресурсам и, главное, по организационным формам своей деятельности он сравнительно быстро уступил капиталу Нидерландов и Англии.

Сравнение трех волн экспансии по **методам** достижения целей тоже демонстрирует немало сходства. Методы воздействия европейцев на экономику афро-азиатских обществ можно разделить на экономические, частично экономические и внеэкономические.

К сугубо *экономическим методам* относится ведение прямой торговли Азия – Европа и посреднической каботажной торговли между портами одной или нескольких азиатских стран. Европейцы вывозили пряности (перец из Нусантары и с Малабарского берега Индии, корицу с Цейлона, гвоздику, мускатный орех и мускатный цвет с Молуккских островов), хлопчатобумажные и шелковые ткани, индиго, селитру и сахар из Индии, шелк-сырец из Ирана и Бенгалии и другие товары⁸. Эти же товары они перевозили внутри индоокеанской зоны (добавляя к ним золото, слоновую кость и рабов из Восточной Африки, рис и масло из Индии и т. д.), т. к. довольно быстро поняли конъюнктуру рынка, осознав, что выгодно не только везти товары непосредственно в Европу, но и втянуться в налаженную веками сложную паутину торговли между разными областями и регионами океанского пространства. Это позволяло экспортировать меньше драгоценных металлов из Европы, обеспечивая европейцев прибылью здесь же, на месте. Торговля европейской страны с Азией (а формально со всем пространством от мыса Доброй Надежды до мыса Горн, т. е. странами, омываемыми Индийским и Тихим океанами) в раннее Новое время официально была монополией: в Португалии – короны, в Нидерландах и Англии – Ост-Индских компаний. Правда,

на практике некоторые группы купечества этих стран, пользуясь непоследовательностью государственного экономического курса, пытались обойти монополию, порой довольно успешно (как при Карле I и в годы революции в Англии).

Вместе с тем в применении экономического метода между португальцами, с одной стороны, и голландцами с англичанами, с другой, существовало принципиальное отличие. Ост-Индские компании двух северо-западных стран Европы были одними из первых в мировой истории капиталистических предприятий с отделением управления от собственности, определенными операционными правилами при принятии решений и феноменом акций (именно в документации голландской Ост-Индской компании 1610 г. впервые употреблен сам термин «акция»). Логика деятельности этих деловых предприятий нового типа диктовала им необходимость реинвестировать прибыль в дальнейшие торговые операции. Поэтому на экономические методы они опирались значительно больше португальцев, которые 60 % дохода в Индийском океане извлекали не из торговли, а из сбора пошлин⁹. *Estado da Índia* было в первую очередь системой таможен, «перераспределяющим предприятием», опирающимся прежде всего на насилие¹⁰. В первой половине XVII в. испано-португальская корона (две страны находились тогда в личной унии), видя экономическое превосходство англичан и особенно голландцев, в попытке подражать им учредила собственную Ост-Индскую компанию, но успеха та имела едва ли больше, чем внешнеторговые компании Петра I (заимствовалась форма без содержания). Неудивительно, что экономически португальцы в целом проиграли северо-западным европейцам уже в первой половине XVII в. В связи с этим проиграли они и в военном отношении. Потеряв в пользу голландцев основные стратегические пункты на Востоке, португальцы были вынуждены перенести центр тяжести своей заморской империи в Южную Атлантику (Бразилия и Ангола).

Голландцев двум остальным волнам европейцев резко противопоставляет другой критерий – стратегия по вопросу о частной торговле. Португальская корона и английская Ост-Индская компания сосредоточились на торговле Азия – Европа, тогда как голландская Компания, кроме этого, активно участвовала в каботажной торговле внутри Азии. Обратной стороной этого было стремление голландской Компании пресечь любые попытки ее служащих торговать частным образом, в то время как португаль-

ским чиновникам и служащим английской Компании разрешалось не только вести частную торговлю внутри Азии, но и подключать к сотрудничеству индивидуальных европейских купцов (*private traders*). (Голландская Компания сняла запрет лишь в 1742 г., и то частично; ее служащие обходили его, но дело в принципе, в официальном курсе.) Стратегия голландцев работала, и довольно долго. Несмотря на то что к концу XVII в. Нидерланды начали сдавать экономические позиции в Европе, их восточная торговля продолжала набирать обороты: если в 1640 г. Ост-Индская компания отправила в Азию драгоценных металлов на 800 тыс. флоринов, то в 1700 г. – на 5,1 млн¹¹. Однако в более долгосрочной перспективе английская торговая стратегия оказалась успешнее, т. к. была гибче и не сковывала инициативу. Как отметил специалист по экономической истории раннего Нового времени Х. Фёрбер, Ост-Индские компании были в большей или меньшей степени «фасадами», скрывавшими активную частную торговлю своих служащих, – в чем, кстати, состоит главное отличие этих Компаний от современных корпораций¹². Именно благодаря превосходству английской стратегии над голландской, например, в 1780-е гг. британские частные купцы заняли господствующее положение в морской торговле Индии с Малайей и Китаем, формируя в симбиозе со своей Ост-Индской компанией торговый треугольник «Европа – Индия – Китай». (Это сопровождалось феноменальным ростом общего тоннажа судов, участвовавших в индокитайской торговле, – в 1780–1790 гг. с 4 тыс. до 25 тыс. т¹³.) Этот треугольник опирался на сбыт в Цинской империи индийского хлопка и опиума и сыграл в становлении Британской империи роль не меньшую, чем треугольник трансатлантической торговли «Европа – Западная Африка – Вост-Индия».

Различия в экономической деятельности европейцев можно провести также по территориальному и товарному признаку, что вытекает из соотношения их сил. Португальцы в XVI в. были единственными европейцами в Индийском океане и торговали достаточно широким спектром ходивших там товаров (пряности, ткани, рис и т. д.). Однако за нехваткой людских и материальных ресурсов португальцы не основывали торговых факторий внутри материка, что в XVII в. сделали англичане и голландцы (в Ахмадабаде, Бурханпуре и Агре в Индии, в Исфахане в Иране), не довольствуясь лишь пунктами на побережье. Достаточно плотно освоить в торговом отношении португальцы смогли только Малабарский

берег Индии. Голландцы на Востоке отдали приоритет более обширному региону – производившей пряности Нусантаре. Особенно они ценили Молуккский архипелаг в его восточной части – за произраставшие только там дорогие виды пряностей (гвоздика и мускатный орех). В 1600-е гг. сбыт гвоздики на рынке Амстердама приносил почти 800 % прибыли¹⁴. Именно из Нусантары голландцы сразу вытеснили португальцев, а после «Амбонской резни» 1623 г. – и своих тактических союзников англичан (заодно выдавив их из вывозившей серебро и медь Японии). Последним поэтому и пришлось сосредоточиться на тех странах, которые для голландцев были с коммерческой точки зрения второстепенными (Индия, Иран, Йемен). Так, в 1658–1681 гг. на Индию держали курс 70 % всех судов, отплывших из Англии на Восток¹⁵. Вместе с тем и в Индии голландское присутствие было ощутимым.

Однако с упадком экономической мощи Нидерландов к началу XVIII в. монополизированная голландцами Нусантара стала для них некой ловушкой: прибыльность торговли пряностями падала (из-за сверхпредложения на рынке, падения цен и изменений в европейской диете), а пробиться в новые зоны роста мировой торговли голландцы уже были не в состоянии. Речь прежде всего идет об Индии с ее тканями и о Китае с его чаем, в морской торговле с которыми заправляли британские и азиатские купцы. В изменившейся рыночной конъюнктуре прежняя сила голландцев обернулась их слабостью. Для англичан справедливо обратное утверждение.

Под *частично экономическими методами* воздействия следует понимать экономию военных расходов, взимание таможенных пошлин и платы за мореплавание само по себе, а также обычный сбор налогов. Относясь к сфере финансов, эти потоки средств регулируются не рынком, а политической властью и/или военной силой.

Одним из коренных отличий португальцев и Ост-Индских компаний от азиатских групп купечества было обладание ими вооруженной силой (главным образом военно-морской), позволявшее им осуществлять «интернализацию оборонных издержек» (термин датского историка Н. Стеенсгора). Азиатские купцы военной силой не располагали и были вынуждены платить своим правителям «ренту за защиту» (*protection rent* – термин американского социолога Ф. Лэйна). Европейцы в защите, по крайней мере на море, не нуждались, они обеспечивали ее себе сами, причем ее

стоимость была ниже и более прогнозируема, чем плата, которую взимали азиатские правители со своих купцов в виде пошлин и всевозможных поборов. В целом меньшие расходы на безопасность в сравнении с конкурентами-азиатами высвобождали средства для коммерческих целей.

Указанное отличие было предпосылкой нескольких других методов.

Обзаведясь анклавами на Востоке, европейцы в качестве силы, контролирующей важнейшие пункты транзита товаров, естественно, начали собирать в них таможенные пошлины с азиатского и африканского купечества. Здесь мы тоже, с одной стороны, видим сходство между европейцами. Пошлины взимали и португальцы в своих портах по побережью всего Индийского океана от Софалы до Малакки, и голландцы с англичанами, когда у них появились собственные порты (у первых – Паликат и Нагапаттинам на Малабарском берегу Индии, Коломбо и другие порты на Цейлоне, Батавия и другие порты в Нусантаре; у вторых – Мадрас, Бомбей и Калькутта в Индии, Бенкулу на Суматре).

Более того, европейцы в Индийском океане претендовали на выполнение полицейских функций и заставляли суда с товарами и паломниками покупать у них пропуска для беспрепятственного движения по самому океану, гарантируя взамен защиту от нападений пиратов, а также европейцев, с которыми они в данный момент были во вражде. Эти пропуска стоили недорого, но, конечно, были видом морского рэкета и в совокупности приносили неплохой доход. Дело в том, что именно европейцы – в силу бесспорного военно-морского превосходства над местными политиями – впервые в истории попытались, и отчасти успешно, контролировать с помощью вооруженной силы само пространство океана. В истории Индийского океана были примеры азиатских империй с крупным военно-морским флотом: Шривиджайя VIII–XI вв. с центром на Суматре, ее противник династия Чолов X–XII вв. в Тамилнаду (юго-восток Индии). Однако даже их флоты, по сути, были придатками сухопутных армий¹⁶. То же верно в отношении флота под командованием Чжэн Хэ, который провел в Индийском океане демонстрацию военной силы Минской империи в начале XV в. Португальцы же, появившись на Востоке, претендовали на верховную власть над океаном, попытавшись выступить морским аналогом современных им сухопутных империй, которые выходили на его побережье, но флотов практически не

содержали (Османов в Аравии и Месопотамии, Сефевидов в Иране, Моголов в Индии). Эти претензии португальцев отразились в титуле, который принял король Мануэл I Счастливый (1495–1521) и который португальская корона сохраняла несколько веков: «Повелитель завоеванных земель, мореплавания и торговли в Эфиопии, Аравии, Персии и Индии».

Португальцы первыми и ввели в XVI в. морские пропуска (система *cartazes*). Даже судам, принадлежавшим лично могольскому шаху, приходилось покупать у них пропуск наравне с прочими. Когда северо-западные европейцы начали теснить португальцев с первых десятилетий XVII в., они, особенно голландцы, отчасти последовали их примеру и тоже стали выдавать азиатским судам пропуска. Однако цель голландцев при этом была принципиально другая: не столько получать доход (хотя пропуска, конечно, приучали азиатское купечество и правителей к тому, кто теперь хозяин морей), сколько устранять торговых конкурентов, запрещая судам заходить в определенные гавани, например, в Бантен. Правда, эта практика оказалась не особо эффективной¹⁷.

Тем не менее, как отмечено выше, португальцы опирались на различные денежные сборы с азиатского населения (т. е. использование привычных административных рычагов) значительно сильнее северо-западных европейцев, которые ставили во главу угла максимизацию торговой прибыли. Поэтому, пользуясь терминологией И. Валлерстайна, правомерно сказать, что лишь португальцы, по сути, попытались в известной степени превратить индоокеанскую мир-экономику в мир-империю.

Вместе с тем военно-морское могущество европейцев раннего Нового времени не следует переоценивать. При наличии воли и ресурсов даже сухопутная империя могла поставить их на колени. Особенно яркий пример – взятие персами в 1622 г. твердыни Ормуз, обладание которой (с 1515 г.) давало португальцам возможность парализовать всю морскую торговлю Ирана. Взятием Ормуза (причем при содействии кораблей английской Ост-Индской компании) сефевидский шах Аббас I в самом деле «укоротил португальцам руки на побережье Персидского залива»¹⁸. Много примеров дает и история отношений англичан с Могольской империей, которая в ответ на морскую блокаду арестовывала их фактории, заставляя сбавить тон. Это – не говоря о наличии в Индийском океане ряда (пусть не крупных) политий с военным флотом, которые претендовали на взимание пошлин даже с европейского

судоходства и с которыми европейцам пришлось повоевать (как британцам с династией маратхских правителей Ангре на Конканском берегу Индии в первой половине XVIII в.).

Кроме пошлин и сборов, европейцы взимали и налоги, включая обычный для аграрных империй земельный налог, – в качестве уже правителей определенной азиатской территории. Португальцы делали это в области вокруг столицы своей восточной империи – Гоа на Конканском берегу – и ряда других анклавов (с XVI в.), голландская Ост-Индская компания – на территориях на Яве (с начала XVII в.), позднее на других островах Нусантары («Внешние владения»), ее британская «коллега» – в Бенгалии (с третьей четверти XVIII в.), позднее в других областях Индии по мере их включения в Британскую империю. Юридическая сторона этого процесса не так важна. Португальцы в начале XVI в. просто отвоевали ряд территорий у азиатских или африканских князьков на побережье и провозгласили здесь суверенитет своего короля. Голландцы и англичане действовали гибче и подчас арендовали небольшую территорию под строительство факторий, затем фортов, признавая верховную власть азиатского правителя, будь то могольский шах или правитель индуистской южноиндийской империи Виджаянагар. Суверенитет могольского шаха над Индией Ост-Индская компания – формально – не ставила под сомнение вплоть до сипайского восстания 1857 г., используя дарованные ей (под ее же давлением) имперские чиновничьи должности для легитимации своей власти в глазах индийцев. Вместе с тем были и территории, где голландцы и англичане обладали полнотой власти, к примеру, остров Бомбей, доставшийся англичанам в 1661 г. от португальцев. Правда, сути юридические тонкости не меняли: облагая территорию налогом, европейцы взимали его (целиком или преимущественно) в свою пользу. Не случайно *вазир* (главный министр) Могольского султаната еще в начале XVII в., возражая против разрешения англичанам торговать, предупреждал (пусть не без влияния португальцев, которые были заинтересованной стороной): «Англичане – это такой народ, что если им удастся поставить ногу, то они захватят всю страну»¹⁹. Так оно и вышло, хотя и в долгосрочной перспективе.

Для португальцев как чиновников короны сбор налогов на Востоке стал привычным методом извлечения дохода; для коммерческих Ост-Индских компаний, когда те (не сразу после проникновения на Восток) стали превращаться в территориальные

державы, это сначала было новшеством, но они приспособились и разработали детализированные земельно-налоговые системы, незнакомые азиатским политиям – их предшественницам. Не случайно (пусть уже в 1853 г.) правитель индийского княжества Хайдарабад заметил, что если британцы возьмут под управление деревню с годовым доходом в 1 тыс. рупий, всего через несколько лет они ухитрятся выжимать из нее до 3 тыс.²⁰

Переходя к *внеэкономическим методам* европейцев, надо отметить, во-первых, дипломатическую деятельность; во-вторых, применение насилия, чтобы захватить выгодные опорные пункты / территории или, напротив, защитить уже имеющиеся торговые фактории и форты, чтобы заставить восточных правителей даровать торговые льготы или навязать им свою монополию (монополию одного покупателя) на определенные товары; в-третьих, прямой грабеж торговых конкурентов или враждебных политий, будь то азиатские группы купечества, правители, с которыми не был найден общий язык, либо соперники-европейцы.

Дипломатией на Востоке занимались все европейцы – с целью добиться предоставления правителями разрешения торговать, а предпочтительнее сразу торговых льгот; с целью заключить военный союз против европейского или азиатского соперника. Различия здесь сводились к агентам деятельности: португальцы действовали в первую очередь через иезуитов (например, три миссии ко двору могольского шаха Акбара в 1580–1594 гг.), тогда как равнодушные к прозелитической деятельности Ост-Индские компании отправляли к азиатским правителям делегации служащих либо даже официального посла монарха своей страны (как в случае сэра Томаса Роу при дворе могольского шаха Джахангира в 1615–1618 гг.). Еще можно отметить различия в стоимости подарков, которые европейцы преподносили восточным правителям в ходе дипломатических контактов. Она зависела от экономического веса тех или иных европейцев в данный момент. Так, когда в 1659 г. голландцы поднесли *нешкаш* (ценный подарок) правителю южноиндийского султаната Голконда, тот заодно подтвердил торговые привилегии англичан; последним пришлось тоже отблагодарить шаха подарками, но втрое менее дорогими – стоимость голландских была им просто не по средствам²¹.

Силовые методы почти сразу по прибытии в Индийский океан применили португальцы, целью которых было занять ключевые позиции в океанской торговле. Они их и заняли – огнем и мечом.

Уже Вашку да Гама в 1502 г. бомбардировкой с кораблей превратил в руины крупнейший порт Малабарского берега Каликут. Главный архитектор Португальской империи на Востоке Афонсу д'Албукерки в 1511 г. проделал то же с Малаккой, основав на ее месте мощную крепость, которая стала аванпостом возникающей империи в Юго-Восточной Азии. Военным путем португальцы приобрели и другие порты, контроль над которыми дал им рычаги воздействия на экономику Индийского океана.

Северо-западные европейцы делали больше акцента на экономические методы. К тому же, едва появившись на Востоке, голландцы и англичане старались выгодно отличаться в глазах местных правителей и купечества от уже занимавших там позиции португальцев и демонстрировать миролюбие. Тем не менее и они не брезговали силовыми приемами воздействия, применяя их достаточно широко – как против других европейцев, так и против представителей афро-азиатских обществ. Об этом свидетельствует, например, захват голландцами уже в 1619 г. княжества Джаякерта на западе Явы, а также их последующие войны с местными политиями. (То же справедливо в отношении войн британцев с княжествами Индии с середины XVIII в., хотя одной из главных причин строительства Британской империи там были поиски средств на содержание растущей армии сипаев.) Главным образом именно голландцы применяли такой метод, как морская блокада владений тех или иных князьков Нусантары с целью навязать им монополию Ост-Индской компании на пряности. Прежде всего они практиковали это на Молуккских островах²². Стремясь контролировать производящие районы, голландцы порой заставляли местное население вырубать насаждения пряностей, чтобы не допустить их перепроизводства и выброса на мировой рынок чрезмерного, по их мнению, количества товара; порой же осуществлялась противоположная мера: жители в принудительном порядке увеличивали насаждения.

Как более слабые участники конкуренции служащие английской Ост-Индской компании возмущенно осуждали голландцев за эти действия и на протяжении XVII в. постоянно жаловались на такие методы своему королю²³. Особенно тяжким ударом для английской торговли была победа голландцев в войне с султанатом Макасар на острове Сулавеси, по итогам которой они в 1669 г. заставили его прекратить торговать с англичанами. Между тем, окрепнув, англичане принялись за те же методы. Так, в 1793 г. они

навязали радже южноиндийского княжества Траванкур «перечный контракт», по которому тот обязался в течение десяти лет поставлять им 3 тыс. *кханди*²⁴ перца в год по фиксированной цене²⁵. Двойные стандарты очевидны у каждой из сторон. Голландцы, стараясь в XVII в. не допускать в Нусантару других европейцев, нарушали провозглашенный их же знаменитым юристом Гуго Гроцием принцип *Mare liberum* («Свободное море»).

Другим характерным силовым методом, с помощью которого европейцы стремились включиться в систему индоокеанской торговли, был принудительный обмен. В первой половине XVII в., борясь с конкуренцией португальцев, голландцы и англичане силой забирали их товары с индийских судов, хотя платили за них по рыночной цене, после чего позволяли купцам держать путь дальше²⁶. Это, кстати, иллюстрация нацеленности северо-западных европейцев на деловую активность; компенсацию они платили с расчетом на продолжение торговых контактов, уже с исключением португальцев. (Те в XVI в., стремясь занять место групп мусульманского купечества в океанской торговле, просто конфисковывали грузы.) Принудительный обмен порой принимал форму бартерного. Когда власти Могольского султаната не сразу выказали желание разрешить английской Ост-Индской компании торговать в главном морском порту империи – Сурате (Гуджарат), капитан Генри Миддлтон в 1611 г. в качестве рычага давления стал задерживать в Аравийском море индийские суда, направлявшиеся в Красное море, отнимать у купцов товары и «возмещать» их английской продукцией – сукном (что оказывалось плохой компенсацией, т. к. тропические страны Востока мало нуждались в главной статье тогдашнего экспорта Англии). Принуждение местного купечества к бартеру использовалось и в целях получить более выгодные условия обмена; так поступила в 1610-е гг. в некоторых районах Нусантары голландская Компания по рекомендации генерал-губернатора Лауренса Реэла, остановив импорт монеты (в сочетании с монополией это давало некие преимущества).

Силовым методом, но уже в духе «мягкой силы», можно считать практику, при которой голландцы и особенно англичане предоставляли трюмы своих судов частично под провоз товаров азиатских купцов²⁷. Те охотно пользовались услугами европейцев из-за технического и военного превосходства их океанских судов над арабскими *дхау*, малайскими *праху* и др. (безопасность от стихии и пиратов).

В известном смысле как применение европейцами «мягкой силы» можно рассматривать и христианское миссионерство. Здесь резко выделялись португальцы, которые были на этом прищипе весьма активны с самого начала экспансии (прозелитизм служил одним из ее идейных оправданий). Подразумевалось, что обращение в христианство – помимо всего прочего – создаст условия для более тесных экономических контактов: единоверцы как преференциальные торговые партнеры (например, португальцы поощряли обращение рыбаков берега Мадурай на юго-востоке Индии, чтобы контролировать местную ловлю жемчуга²⁸). Голландцы и англичане, будучи людьми более практического склада, в раннее Новое время (XVI–XVIII вв.) миссионерством почти не занимались (уместно вспомнить голландскую поговорку «Иисус Христос хорош, но торговля лучше»), а когда к концу XVIII в. под их власть попали обширные территории, даже проводили сознательный курс на непоощрение миссионерской деятельности, чтобы не оттолкнуть новых подданных (ведь те терпели власть иноверцев). В долгосрочной перспективе экономический успех голландцев и англичан в Азии показал, что христианизация сама по себе едва ли служит фактором подъема торговли²⁹.

Завершая тему европейских методов, следует подчеркнуть, что четко отделить друг от друга экономические и внеэкономические виды деятельности акторов изучаемой эпохи весьма трудно, т. к. эти виды были тесно переплетены. Так, в арсенале Ост-Индских компаний, как мы видели, имелись торговля, защита азиатского купечества от пиратов и, наоборот, разбой, дипломатия, сбор налогов, ведение сухопутных войн. Все эти категории действий служили одной цели – максимизации доходов. (Другое дело, что они, например, затяжные дорогостоящие войны, не всегда приводили к желаемому результату.)

Если сравнить волны европейской экспансии **по их результатам** для индоокеанской мир-экономики, то общим для португальцев, голландцев и ранних британцев (Ост-Индская Компания) было то, что они отыскивали в этой системе экономическую нишу и заняли ее, несколько оттеснив – как грубой силой, так и успешной торговлей – азиатских конкурентов (но постоянно сотрудничая с частью местного купечества, будь то тамильская община в португальской Малакке или члены торговой касты *бания* в Гуджарате как партнеры Ост-Индских компаний). Кроме того, каждая из волн европейцев постепенно отодвигала предыдущую.

Вместе с тем отчасти они помогали друг другу. Это происходило как объективно – занятая одними европейцами ниша по мере их ослабления переходила «по наследству» следующим (содействие определенных групп купечества, каналы поставки товаров, фактории и форты, проложенные морские маршруты), – так и субъективно – европейцы нередко помогали другим европейцам против азиатских соперников либо третьих европейцев. Например, сначала (пусть короткое время на рубеже 1610–1620-х гг.) голландцы и англичане действовали, включая войну на море, сообща против португальцев как противника, который уже обосновался на Востоке и мешал новоприбывшим; с 1630-х гг. порядком ослабленные португальцы и временно проигравшие конкуренцию за Азию англичане нашли общий язык против весьма усилившихся голландцев.

Воздействие европейцев на торговую систему Индийского океана шло по нарастающей. Португальцам хватило сил монополизировать (во многом опираясь на военную силу) океанскую торговлю пряностями, но лишь до середины XVI в., когда азиатское купечество «перешло в контраступление» и научилось отчасти обходить воздвигнутые португальцами препоны. Если в середине столетия португальцы вывозили в Европу 20–30 тыс. квинталов перца в год, то к концу столетия вывоз упал до 10 тыс., в то время как купцы султаната Ачех на севере Суматры ежегодно вывозили в красноморский порт Аравии Джидду, в основном на гуджаратских судах, 40–50 тыс. квинталов (это показатель по пряностям в целом, но львиная доля приходилась, конечно, на перец)³⁰. Единственным структурным нововведением португальцев в индоокеанской мир-экономике называют открытие торгового маршрута Гоа – Нагасаки во второй половине XVI в.³¹

Двум Ост-Индским компаниям, которые действовали гибче, да и экономический вес имели внушительнее, удалось сделать следующий шаг – осуществить «торговую революцию XVII в.» (термин Н. Стеенсгора). Она заключалась в частичной переориентации потока ряда ключевых товаров (прежде всего пряностей и тканей) с континентальных караванных путей на морской путь вокруг Африки, вследствие чего повысился удельный вес этого маршрута в торговле Запад – Восток. Имея, как крупная капиталистическая организация, общую стратегию бизнеса, голландская Компания с помощью торговых связей установила прямые контакты между районами Азии, которые даже при португальцах были еще незнакомы с продукцией друг друга или получали ее круглым путем.

Вместе с тем уже с португальцев началась интеграция мир-экономики Индийского океана не просто с мир-экономикой Европы, но с мир-экономикой Атлантики, составной частью которой были серебряные рудники Мексики и Перу (эта испанская колония, пусть и омываемая Тихим океаном, всеми своими связями тоже была интегрирована в атлантическую систему торговли). С приходом голландцев и англичан данный процесс усилился. Конечно, Европа торговала с индоокеанской зоной еще с античности – и всегда платила по преимуществу звонкой монетой (готовых изделий предложить могла мало). Однако начало вливания американского серебра вывело экономические связи на новый уровень.

Импортируя в зону Индийского океана значительное количество драгоценных металлов, прежде всего серебра, европейцы серьезно стимулировали как денежное обращение, так и сельскохозяйственное и ремесленное производство. Голландская Ост-Индская компания за весь период своего существования вывезла в Азию драгоценных металлов (в монете и слитках) на общую сумму 574 млн флоринов³², английская в 1601–1640 гг. – 1,3 млн ф. ст.³³ и в 1660–1760 гг. – 39,6 млн ф. ст.³⁴ Статистика говорит о большом удельном весе европейцев во внешней торговле азиатских стран. Так, в 1740 г. при стоимости торгового оборота крупнейшего порта Индии Сурата 5 млн рупий около $\frac{1}{2}$ этого показателя обеспечивали британцы и около $\frac{1}{10}$ – голландцы³⁵. В начале XVIII в. в одной Бенгалии спрос европейских Ост-Индских компаний на текстиль привел к появлению 100 тыс. новых рабочих мест ремесленников-ткачей³⁶. Последствия европейского экономического присутствия в Индийском океане не ограничивались непосредственными торговыми контактами, сегментом соприкосновения двух мир-экономик. Косвенным образом это присутствие стимулировало во многих районах Азии развитие товарно-денежных отношений в целом. Например, в империи Моголов прямая зависимость объема чеканки монет от объема ввозимого английской Ост-Индской компанией в XVII в. серебра очевидна, если взглянуть на сравнительную таблицу, составленную индийской исследовательницей А. Хасан³⁷. Кстати, согласно работам последнего времени, например, индийского исследователя О. Пракаша, в случае Индии и Китая негативные последствия «революции цен» XVI в. спорны: сверхпредложение серебра нейтрализовалось достаточно быстрым ростом производства, монетизации экономики и численности населения³⁸.

С этим связаны политические последствия экономической экспансии европейцев. Хотя доля торговых пошлин в общих доходах аграрных империй Востока была незначительной (в Могольском султанате она составляла всего 1 %³⁹), факт импорта в Индию большого количества драгоценных металлов внес ощутимый вклад в общий подъем ее экономики в XVII–XVIII вв. До конца XX в. в историографии была расхожей идея экономического упадка Индии XVIII в. (эта точка зрения зародилась в работах XIX в. и была весьма удобна для британцев, служа одним из аргументов для оправдания их владычества: чем скромнее казались экономические успехи доколониальной Индии, тем эффективнее выглядели достижения колониализма). Однако новейшие исследования (с 1980-х гг.) опровергли эту точку зрения, продемонстрировав динамичность развития индийской экономики указанного времени⁴⁰. Последнее, как все чаще отмечают индологи, привело к упрочению позиций доминирующих каст сельской местности по отношению к имперскому центру, что и было главной причиной распада Могольской державы с конца XVII в. (этот процесс фактически завершился в середине XVIII в.).

Общим в результатах деятельности европейцев в Индийском океане также был вызванный ими относительный экономический упадок ряда торговых городов-портов, процветавших до этого. Такой упадок пережили Софала, Ормуз, Диу и Малакка после их захвата португальцами – из-за курса новых городских властей на исключение из торговли мусульманских групп купечества. Хотя даже португальцам, известным своим религиозным рвением, на практике все же приходилось сотрудничать с купцами-мусульманами, нацеленные только на прибыль голландцы и англичане религиозной дискриминации не проводили в принципе. Например, на острове Амбон в 1638 г. голландские власти разрешали торговать «маврам из других мест» (т. е. мусульманам из других областей Нусантары) «в такой же степени... как христианам» (по-видимому, имеются в виду служащие самой Ост-Индской компании) – при условии наличия судовых пропусков⁴¹.

Ряд портов пришел в упадок из-за торговой конкуренции европейцев: произошло перетягивание ресурсов и предпринимателей в новые города, поднявшиеся благодаря европейской деятельности. Такая участь постигла, например, Бантен на западе Явы (он не выдержал конкуренции с портом-соседом – голландской Батавией) и Сурат в Гуджарате, который к концу XVI в. был крупнейшим

торговым портом не только Индийского океана, но и, возможно, всего мира⁴² (к середине XVIII в. его торговлю постепенно оттянул на себя британский Бомбей).

Однако все волны европейской экспансии в рассматриваемую в данной статье эпоху (даже начало установления политической власти британской Ост-Индской компании над Индией в середине XVIII в., даже британский контроль над морской торговлей Индии с Китаем с 1780-х гг.) не ставили под угрозу многовековой ритм функционирования индоокеанской мир-экономики. Европа потребляла лишь 10 % производимых в Азии пряностей⁴³, около 14 % всего экспорта Индии⁴⁴. Главное то, что в эпоху раннего (торгового) капитализма характер экономических связей Востока и Запада оставался таким же, каким был с древности: Восток экспортировал не только продукцию своего сельского хозяйства, но и изделия своего весьма развитого ремесленного производства, в то время как Запад мог предложить по преимуществу драгоценные металлы и некоторые виды сырья (свинец, железо, олово, кораллы).

В ретроспективе две первые волны европейской экспансии резко отличает от третьей (британской) готовность португальцев и голландцев играть по правилам индоокеанской мир-экономики. (Более того, немало португальцев находили выгодным стать предпринимателями вне официальных каналов *Estado da Índia* и полностью в рамках, заданных азиатским купечеством; они внедрялись в местные общества с помощью смешанных браков, говорили на восточных языках и, по сути, становились такой же этноконфессиональной купеческой диаспорой, какой были на Востоке армяне, евреи, парсы.) Впрочем, британская волна начиналась так же, как предыдущие: английская Ост-Индская компания тоже встроилась в существующую торговую систему, ввозя в Индию (по преимуществу) серебро и вывозя (прежде всего) ткани. Лишь с промышленной революцией в Британии характер обмена между Востоком и Западом изменился, и в XIX в. Восток превратился в рынок сбыта западной фабричной продукции. Однако то был результат деятельности уже не Ост-Индской компании, торговля которой всегда напрямую вредила интересам постепенно крепнувшего отечественного производства (не случайно английские мануфактуристы еще с XVII в. жаловались на Компанию в парламент). Тем не менее, сыграв ключевую роль в первые два века британской волны экспансии в Индийском океане, Ост-Индская

компания как организационная форма торгового капитализма объективно проложила дорогу в Азию капитализму промышленному – посредством своих торговых факторий и территориальных завоеваний (после чего была демонтирована к середине XIX в. как институт-анахронизм⁴⁵). В этом смысле британская волна качественно отличается от двух предыдущих волн европейцев.

Более того, британская Ост-Индская компания проложила путь промышленному капитализму не только в Азии – с точки зрения создания «инфраструктуры империи», но и в самой Британии – тем, что объективно стимулировала промышленную революцию. Известный специалист по экономической истории Азии К. Н. Чаудхари считает вполне уместным взглянуть на механизацию британского производства как на создание импортозамещающей промышленности в ответ на ввоз Компанией дешевых хлопчатобумажных тканей из Индии⁴⁶. В этом еще одно отличие британской волны экспансии от двух предыдущих, которые промышленной революции в своих странах не породили.

Именно британцы в XIX в. осуществили то, чего добивались в XVI в. португальцы: превратили Индийский океан, по сути, в «британское озеро». Для контроля над океаном португальцам не хватило ни пунктов по его берегам, ни людских и материальных ресурсов. У британцев все это оказалось: они приобрели не только порты, но и целые страны с протяженным побережьем (на протяжении XIX в. поставили под прямой либо косвенный контроль Капскую колонию, Наталь, Занзибар, Кению, часть Сомали, Египет и Судан, Маскат, шейхства Персидского залива, Бирму, Малайю; окончательно покорили Индию и Цейлон), располагали в Индии огромной сипайской армией, сумели переключить на себя значительную часть товаропотоков. Вторая Британская империя (ее начало датируют сецессией североамериканских колоний в 1783 г.) с центром тяжести в Индийском океане фактически оказалась реализацией несбывшегося португальского проекта – конечно, в иных исторических условиях и при иной производственной базе страны-метрополии.

Таким образом, в целях деятельности европейцев в Индийском океане, в применяемых ими методах достижения этих целей и в достигнутых результатах имелись как серьезные сходства, так и важные отличия. Сходства были обусловлены более или менее одинаковым (по крайней мере, сопоставимым) уровнем развития

техники, одними и теми же географическими, климатическими, социальными условиями деятельности на Востоке. Различия проистекали из разного (причем с течением времени менявшегося) уровня социально-экономического развития стран – субъектов экспансии, господствовавших в них традиций управления и ведения торговли, накопленных знаний и опыта взаимодействия друг с другом и с восточными обществами, а также из конкретных условий стран и регионов афро-азиатского мира, в которых действовали европейцы (наличие предложения на определенные товары или спроса на них, наличие или отсутствие конкурентоспособных групп купечества и/или сильных политий и т. д.).

Восточные общества реагировали на европейское проникновение по-разному. Отечественный востоковед В. А. Тюрин выделил три модели реакции: вооруженное сопротивление (характерно для княжеств Нусантары и Малабарского берега Индии), полное или частичное «закрытие» страны (характерно для Сиам и Бирмы, а вне зоны Индийского океана – для Японии, Кореи и Китая) и достаточно активные (вынужденные либо добровольные) контакты с европейцами при общем принципе самоизоляции (Османский султанат, в меньшей степени – Иран)⁴⁷. Вместе с тем даже военно-морское и техническое превосходство европейцев на Востоке раннего Нового времени преувеличивать не следует. Азиатские правители нередко использовали пришельцев из-за океана в своих интересах, чтобы их руками расправиться с конкурентами в борьбе за власть или получить еще один источник таможенных поступлений в казну.

Важное сходство в деятельности европейцев, не упомянутое мной выше, заключалось в том, что каждая волна действовала более или менее слаженно как единый организм. В нем состояла одна из главных причин их успеха. *Estado da Índia* и Ост-Индские компании представляли собой гигантские организации, которые действовали в масштабах всего афро-азиатского мира и в отношениях с отдельными политиями и социальными группами выступали единым фронтом, как одно целое, выработав (более или менее) единую торговую и военно-политическую стратегию (хотя, конечно, многое зависело от отношений с конкретными правителями и купцами). Если искать различие и здесь, его можно провести между португальцами, с одной стороны, и голландцами с англичанами, с другой. Чиновники, воины, моряки, купцы Португалии XVI–XVII вв. были представителями общества, где по-прежнему

господствовала земельная знать, а торговые дела велись теми же способами, что в средневековье. Служащие Ост-Индских компаний и даже индивидуальные купцы-британцы были и во многом ощущали себя членами становящихся наций, которые, как известно, складываются уже при капитализме. Не случайно среди европейцев в Азии именно португальцы чаще всего «становились туземцами» по языку и кругу общения, теряя связи с родиной и ее властными структурами. И все же принадлежность к определенной общности принципиально отличала все три волны европейцев в Индийском океане от азиатского купечества и правителей, с которыми им приходилось иметь дело.

Волны европейской экспансии сближает и наличие крупных экономических сил как внешних спонсоров; однако у разных европейцев они были разными. У португальцев (а также испанцев), как сказано выше, это было генуэзское купечество. Оно инвестировало и в насаждение плантаций на островах Атлантики, и в создание пунктов работоторговли в Гвинейском заливе, и в деятельность конкистадоров Америки, и в строительство *Estado da Índia*. Экономически осваивать Пиренейский полуостров, а благодаря ему выйти за пределы Европы генуэзцев в конечном счете заставила неудачная Кьоджийская война с Венецией 1376–1381 гг., в результате которой (плюс из-за османской экспансии) сошло на нет могущество Генуи на Черном море и в Восточном Средиземноморье. Генуэзцам, чтобы одолеть своих победителей-венецианцев, пришлось выйти за рамки Генуи, резко расширить масштабы деятельности⁴⁸. Открытие морских торговых маршрутов на Восток вокруг Африки стало одним из их ответов венецианцам, которые с конца XIV в. контролировали потоки товаров из Азии в Европу по их традиционному пути через Левант. В XVI в. настал черед венецианцев искать выход из неблагоприятной ситуации. Смирившись с консолидацией враждебной им Османской империи и ростом значения атлантических торговых путей, они нашли выход в том, чтобы тоже сделать ставку на две страны Западной Европы – Нидерланды и Англию, помочь подъему их экономики и взрастить, «натренировать» на португальцев и испанцев собственных агентов заморской экспансии. В частности, торговая олигархия Венецианской республики содействовала основанию в конце XVI в. английской Левантской компании⁴⁹, из которой выросла Ост-Индская компания. Конечно, было бы большим упрощением трактовать схватку иберийских и северо-западных держав

Европы как опосредованную войну (*proxy war*) Генуи с Венецией. У держав Нового времени были и внутренние причины подъема, и собственные интересы (что выразилось, например, в лютом англо-голландском соперничестве XVII в.). Однако своим экономическим и военно-политическим успехом каждая из держав (Португалия, Испания, Нидерланды, Англия/Великобритания) отчасти была обязана одной или другой из итальянских торговых республик, которые пытались решать свои задачи.

Еще одно сходство в деятельности европейцев на Востоке касается проблемы капитализма как социально-экономической системы. Как показали теоретические разработки отечественных экономистов В. В. Крылова и В. Г. Растянникова, расширяясь территориально, капитализм не только (а может, и не столько) проникал в страны Америки, Азии и Африки в чистом виде, но и нередко ставил себе на службу другие уклады и даже создавал от себя такие докапиталистические уклады, которых до него в зонах проникновения не существовало⁵⁰. В Америке это были плантационное рабство и латифундии. Учитывая немалую роль в португальской экспансии генуэзского капитала, можно спорить о том, считать ли эту экспансию капиталистической по характеру хотя бы отчасти (напомню, что Дж. Арриги трактует ее как проявление первого цикла накопления капитала). Однако обе Ост-Индские компании, безусловно, использовали уклады, которые они встречали в странах Азии и Африки, в своих интересах. Голландцы, обладая на Яве уже политической властью, облагали ее население натуральными податями (*леференси* и *контингент*), которые мало отличались от податей в пользу предшествовавших политий. Англичане и голландцы заключали с индийским купечеством такие же контракты на поставки тканей или индиго, какие оно привыкло заключать с другими азиатскими купцами. Если говорить о создании укладов от себя, то, например, голландцы, навязывая на Молукках монополию на пряности, насаждали в тех местах некий новый уклад, не слишком отличавшийся от плантационного рабства. (Еще один яркий пример – голландская система принудительных культур на Яве, но это уже 1830–1860-е гг.) Все эти уклады с помощью рынка либо вне рыночного механизма распределения функционально оказывались элементами мир-экономики капитализма с ядром в Западной Европе.

Историческое значение появления европейцев в индоокеанской мир-экономике переоценить трудно. Не случайно извест-

ный индийский историк К. М. Паниккар назвал весь длительный период от Великих географических открытий до конца Второй мировой войны (возвестившего начало деколонизации) «эпохой Вашку да Гамы в истории Азии»⁵¹. Как мы видели, в определенной степени это высказывание верно, хотя историография XIX – большей части XX в. (включая марксистскую), к сожалению, страдала европоцентричным подходом и имела тенденцию «прокидывать» современное ей экономическое господство Запада в прошлое, переносить его на раннее Новое время. Между тем Азия оставалась главным регионом мирового производства вплоть до XIX в., причем европейские Ост-Индские компании ей в этом содействовали. Конечно, они сыграли двойственную роль: с одной стороны, объективно работали в интересах азиатского ремесла (пусть подчас и диктуя производителям свои условия закупок), с другой стороны, строительством территориальных империй в Нусантаре и Индии – тоже объективно – облегчили приход колониального режима, за которым стоял промышленный капитал.

С упадком британской Ост-Индской компании как торговой корпорации и с ускорением технического отрыва Европы от Азии в первой половине XIX в. (производство, транспорт, вооружения, средства связи) правомерно говорить и об упадке индоокеанской мир-экономики. Впервые в ее истории началось массовое вторжение товаров извне, которое привело к значительному сокращению местного ремесленного производства (хотя в последних работах по экономической истории Южной Азии к степени этого сокращения подходят осторожнее, чем прежде⁵²). Втягивание экономической зоны Индийского океана в мир-систему промышленного капитализма к середине XIX в. означало утрату автономности этой зоны, а по сути – начало конца индоокеанской мир-экономики как относительно экономически самодостаточной целостности.

Примечания

¹ Я сознательно не рассматриваю в этой статье деятельность трех сменявших друг друга французских Ост-Индских компаний (середина XVII – конец XVIII в.), поскольку с экономической точки зрения они ввиду слабости французской буржуазии были относительно малоуспешным подражанием голландской и английской Компаниям. Показательно, что купцы Франции неохотно вносили средства в капитал Ост-Индской компании своей страны, воспринимая это как обременительную форму налогообложения. Конечно, в какой-то момент французы были основным соперником британцев в борьбе

за Индию, но больше военно-политическим, да и период серьезного противостояния был относительно кратким (1740–1750-е гг.).

² Подробно о концепции см.: Arrighi G. *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. L.; N. Y.: Verso, 1994.

³ Ghulam Husain, Salim. *The Riyazu-s-Salatin*. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1898 (на яз. фарси). P. 395.

⁴ Chaudhuri K. N. *Trade and Civilization in the Indian Ocean: An Economic History from the Rise of Islam to 1750*. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1985. P. 86.

⁵ Gardner B. *The East India Company: A History*. L.: Rupert Hart-Davis, 1971. P. 30.

⁶ Фурсов К. А. *Держава-купец: отношения английской Ост-Индской Компании с английским государством и индийскими патримониями*. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. С. 103.

⁷ Simkin C. G.F. *The Traditional Trade of Asia*. L. etc.: Oxford University Press, 1968. P. 235.

⁸ Как подчеркивает К. Макфёрсон (споря с И. Валлерстайном), для потребителей на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Европе перец выступал предметом вовсе не роскоши, а первой необходимости. В Европе его не только употребляли в пищу как приправу и консервант, но даже платили им натуральную ренту. Аналогичным образом для индоокеанской мир-экономики ввозимые из-за ее пределов драгоценные металлы еще с IX в. служили предметом первой необходимости, без которого не мог нормально функционировать этот достаточно высокомонетизированный регион (McPherson K. *The Indian Ocean: A History of People and the Sea*. New Delhi: Oxford University Press, 1993. P. 217–218).

⁹ Pearson M. *The Indian Ocean*. N. Y.: Routledge, 2003. P. 121.

¹⁰ Steensgaard N. *The Asian Trade Revolution of the Seventeenth Century: The East India Companies and the Decline of the Caravan Trade*. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1974. P. 114.

¹¹ Dam P. van. *Beschryvinge van de Oostindische compagnie*. Eerste Boek, Deel I. 's-Gravenhage: Nijhoff, 1927. Bijlage II.

¹² Furber H. *Rival Empires of Trade in the Orient, 1600–1800*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1976. P. 227.

¹³ Toussaint A. *L'océan Indien au XVIIIe siècle*. P.: Flammarion, 1974. P. 165.

¹⁴ Рассчитано по: *Southeast Asian Exports since the 14th Century: Cloves, Pepper, Coffee, and Sugar* / comp. by D. Bulbeck, A. Reid, L. C. Tan, Y. Wu. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 1998. P. 58. Table 2.15.

¹⁵ Bal K. *Commercial Relations between India and England (1601 to 1757)*. L.: George Routledge and Sons, 1924. P. 127.

¹⁶ Pearson M. *Op. cit.* P. 123.

¹⁷ Gaastra F. S. *De geschiedenis van de VOC*. Zutphen: Walburg Pers, 2002. P. 120.

¹⁸ Фельсефи Н. *Тарих-е-равабет-е-Иран ва Орупа дар доуре-йе-Сефевийе (История отношений Ирана с Европой в эпоху Сефевидов)*. Тегеран: Иран, 1937 (на яз. фарси). С. 147.

¹⁹ Левин А. Я. Из истории английского проникновения в Индию («открытие» Индии английской Ост-Индской Компанией) // Ученые записки ГГУ им. Н. И. Лобачевского. Горький, 1959. Вып. 51. Новая история (Сборник статей кафедры всеобщей истории). С. 11.

²⁰ Appendix / Briggs H. G. The Nizam: His History and Relations with the British Government. L.: Bernard Quaritch, 1861. Vol. I. P. 411.

²¹ The English Factories in India: A Calendar of Documents in the India Office, British Museum and Public Record Office / ed. by W. Foster. 13 vols (1618–69). Oxford: Clarendon Press, 1921. Vol. X. 1655–1660. P. 257–258.

²² Говоря о монополии голландцев, не следует думать, будто жителям архипелага не хватало проблем до нее. Их собственные правители и чиновники облагали их высоким налогом гвоздикой, а также принуждали покупать определенное количество тканей или других товаров по завышенным ценам.

²³ The Register of Letters etc. of the Governor and Company of Merchants of London Trading into the East Indies, 1600–1619 / ed. by G. Birdwood. L.: Bernard Quaritch, 1893. P. 431; A Calendar of the Court Minutes etc. of the East India Company (1635–70) / ed. by E. B. Sainsbury. 8 vols. Oxford: Clarendon Press, 1922. Vol. VI. 1660–1663. P. 211.

²⁴ Кханди – мера веса в Индии. В данном случае имеется в виду бомбейская кханди, равнявшаяся 560 фунтам. Стало быть, контракт оговаривал ежегодные поставки раджой 1,7 млн фунтов перца.

²⁵ A Collection of Treaties and Engagements with the Native Princes and States of Asia Concluded, on Behalf of the East India Company, by the British Governments in India; also Copies of Sunnuds, or Grants, of Certain Privileges and Immunities to the East India Company by the Mogul, and Other Native Princes of Hindustan. L.: Cox and Son, 1812. P. 561–563.

²⁶ Meilink-Roelofs M. A.P. Asian Trade and European Influence in the Indonesian Archipelago between 1500 and about 1630. The Hague: Nijhoff, 1962. P. 187.

²⁷ Ibid.

²⁸ McPherson K., Op. cit. P. 170.

²⁹ По такой логике наиболее активным торговым партнером европейцев в Азии должна была бы выступать испанская колония Филиппины, большинство населения которой было христианизировано уже в первой половине XVII в. Кстати, о вреде для торговых интересов европейцев слишком рьяной проповеднической деятельности свидетельствует изгнание португальцев из Японии в 1630-е гг.

³⁰ Boxer C. R. The Portuguese Seaborne Empire, 1415–1825. L. etc.: Hutchinson, 1969. P. 59. Один квинтал равнялся 51,4 кг.

³¹ Prakash O. European Commercial Enterprise in Pre-colonial India // The New Cambridge History of India. II.5. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1998. P. 90.

³² Prakash O. Op. cit. P. 87, table 3.1. Обменный курс голландского флорина (гульдена) по отношению к английскому фунту стерлингов в XVII–XVIII вв. колебался не сильно и обычно составлял 12:1.

³³ Рассчитано по: Chaudhuri K. N. The English East India Company: The Study of an Early Joint-stock Company 1600–1640. L.: Cass, 1965. P. 115, table III.

³⁴ Рассчитано по: Chaudhuri K. N. The Trading World of Asia and the English East India Company, 1660–1760. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1978. P. 512. Table. C. 4.

³⁵ Das Gupta A. Trade and Politics in Eighteenth-century India // Das Gupta A. The World of the Indian Ocean Merchant, 1500–1800. Collected Essays / ed. by U. Das Gupta. Oxford University Press, 2001. P. 157.

³⁶ Marshall P. J. Bengal: The British Bridgehead: Eastern India, 1740–1828 / The New Cambridge History of India II.2. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1987. P. 66.

³⁷ Hasan A. The Silver Currency Output of the Mughal Empire and Prices in India during the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Money and the Market in India, 1100–1700 / ed. by S. Subrahmanyam. Delhi etc.: Oxford University Press, 1998. Table 3. P. 185.

³⁸ Prakash O. Op. cit. P. 319–322.

³⁹ Arasaratnam S. Maritime India in the Seventeenth Century. Delhi etc.: Oxford University Press, 1994. P. 224.

⁴⁰ Например: Bayly C. A. Rulers, Townsmen and Bazaars: North Indian Society in the Age of British Expansion, 1770–1870. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1983; The Cambridge Economic History of India. Vol. II: c. 1757–2003 / ed. by D. Kumar. Cambridge etc.: Orient Longman; Cambridge University Press, 2004.

⁴¹ Memories van overgave van gouverneurs van Ambon in de zeventiende en achttiende eeuw. 's-Gravenhage: Nijhoff, 1987. P. 184.

⁴² Pearson M. Op. cit. P. 134.

⁴³ Ibid. P. 138.

⁴⁴ Рассчитано по: Simkin C. G.F. Op. cit. P. 180.

⁴⁵ Подробнее см.: Фурсов К. А. Указ. соч. С. 315–326.

⁴⁶ Chaudhuri K. N. Op. cit. P. 273.

⁴⁷ Тюрин В. А. Ранний европейский колониализм в странах Востока (Глава 3) // История Востока. Т. III. Восток на рубеже средневековья и нового времени, XVI–XVIII вв. М.: Вост. лит., 1999. С. 59–62.

⁴⁸ Arrighi G. Op. cit. P. 115–121.

⁴⁹ Rose G. The Venetian Takeover of England: A 200-year Project // Executive Intelligence Review, 1994. Vol. 21. № 6. P. 18.

⁵⁰ Крылов В. В. Теория формаций. М.: Вост. лит., 1997; Растянников В. Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе: опыт независимой Индии. М.: ГРВЛ, 1973.

⁵¹ Panikkar K. M. Asia and Western Dominance: A Survey of Vasco da Gama Epoch of Asian History, 1498–1945. L.: Allen and Unwin, 1953.

⁵² Roy T. The Economic History of India, 1857–1947. Oxford etc.: Oxford University Press, 2006. P. 65–67.